

Председатель облсполкома Владимир Заломай получил письмо от участника Великой Отечественной войны гражданина Израйля Копеля Колпаницкого, в котором он выражает признательность за восстановление доброго имени незаконно репрессированного в 40-е годы его отца Ицхака Алторовича Колпаницкого.

“Я не намерен, — говорится в письме, — денежную компенсацию за имущество и страдания, перенесенные моим отцом, использовать для себя. Я надеюсь употребить эти деньги на благо родной деревни Лахва Лунинецкого района. Я хотел бы использовать их для оказания материальной помощи нуждающимся товарищам, воинам-ветеранам Великой Отечественной войны и на благоу-

стройство братской могилы зверски замученных, расстрелянных евреев деревни Лахва, среди которых и вся моя семья. По просьбе и рекомендации местных властей деревни Лахва может быть

шего детства. Эти регулярные поездки сближают и укрепляют дружбу между народами Израйля и Беларуси. Для событий, которые дороги сердцу, не имеет значения время. Справедливость во-

У абласной газете “Заря” 21 кастрычніка надрукаваны ліст ураджэнца Лахвы, жыхара Израйля Копеля Колпаницкага да старшыні аблвыканкама У.А.Заламая, а таксама артыкул “Праз усе выпрабаванні” — аб лёсе гэтага чалавека і яго землякоў. Прапануем згаданыя матэрыялы ўвазе нашых чытачоў. Друкуем іх на мове арыгінала (артыкул — у пашыраным варыянце).

оказана скромная помощь и другим нуждающимся. Это мои пожелания.

Когда Беларусь стала самостоятельным государством, я ежегодно организовываю поездки земляков старшего поколения и их детей и внуков к могилам наших родных и близких, к местам на-

сторжествовала в отношении моего отца — это еще одна страница в многовековой истории жизни евреев и белорусов на одной земле, укрепление веры в то, что память не имеет границ.”

В письме выражается благодарность председателю комиссии по оказанию

содействия и обеспечения прав жертв политических репрессий 20-80-х годов и увековечению их памяти Владимиру Григорьевичу Панасюку, прежнему председателю Лунинецкого райсовета Петру Андреевичу Скоробогатко и нынешнему председателю Лунинецкого райисполкома Александру Ивановичу Волчику за помощь в благоустройстве еврейских могил.

Автор письма еще раз благодарит белорусских женщин за то, что более 50 лет назад, в 1941-1944 годах, оказывали посильную помощь евреям и особенно еврейским детям, которым удавалось бежать из гетто. “Я до сих пор помню, — пишет он, — вкус этого кусочка хлеба, белорусской бульбы, что нам давали женщины, рискуя жизнью”.

двинулись в сторону Старобина, теребя людей во вражеских засадах. Зимой 1942-43 годов провели в землянках близ Хоростова и Челонца, работая у крестьян за еду, а в марте началась карательная операция фашистов снова скитались по лесам. Чудом уцелел Копель от пули карателей в белых маскхалатах — юношу только ранило в бок, трех его спутников убили. Жил и лечился в одной из местных семей, не зная, что это семья легендарного партизанского “генерала Комарова” — В.З.Коржа. Корж хорошо знал отца Колпаницкого, вырос с ним на одной улице. Вызвав к себе юношу, сказал, что в бой не пошлет — должен береечь жизнь для отца. Колпаницкий жил у сестры Коржа, пас партизанских коров, пока немцы не расстреляли их с двух самолетов, затем убирал урожай с полей убитых сельчан для партизанских запасов. Но хотелось воевать, мстить. Присоединился возле деревни Пузичи к проходившим здесь ковапакетам из 1-й Украинской партизанской дивизии. Летом 1944 года, в ходе операции “Багратион”, прошел с ней тысячи километров в рейдах по немецким тылам. После освобождения Беларуси партизан в качестве войск НКВД перебросили на Ровенщину для борьбы против бандеровцев. Борьба шла лютая, ночная. В октябре 1944 года почтальон передал письмо от отца, пересланное уцелевшими жителями Лахвы (отец, отсидев год в лагере, работал на Урале, в Троицке Челябинской области). Когда прочитал первые строки с приветом семье — заплакал так, как не плакал никогда. Заплакал впервые за 2 года. Друзья напоили самогоном — проспал до утра.

После октябрьских праздников 1944 года бывших партизан расформировали. Копель попал в комендантский взвод запасного полка в Овруче. Меньше чем через месяц был направлен в Колодищи под Минском, в минометную роту 5-го Рыльского мотострелкового полка 5-й Двинской танковой дивизии. В январе 1945 года часть прибыла на фронт, в район

Копель родился в Лахве в декабре 1926 года. Отец — Ицхак Колпаницкий — был известен в округе, в деревне Челонец имел мельницу, на своем лесопильном заводе изготавливал древесину для предприятий Польши, часть леса сплавлял по рекам Лань, Припять и Пина на переработку под Пинск. Старший брат Мовша после еврейской школы стал помогать отцу, а другой, Хоня, поступил в пинскую гимназию (в семье была еще сестра Ида). Сам Копель в 1939 году закончил семь классов еврейской школы, а восьмой учебный год начал уже в новой, советской, школе. Пел в хоре, занимался в кружках Осоавиахима, “Ворошиловский стрелок”. Мельницу и лесопилку новые власти национализировали, но отец управлял ими до ареста в октябре 1940 года — “эксплуататора” отвезли в Пинскую тюрьму, затем осудили на 8 лет. Старший брат поступил работать на лахвенскую нефтебазу (в доме Колпаницких квартировал ее главный инженер).

Когда в июне 1941-го фашистские войска начали свой “блицкриг”, лахвенские евреи не питали иллюзий относительно намерений гитлеровцев — беженцы 1939 года из Польши рассказывали о зверствах оккупантов. Но

ЧЕРЕЗ ВСЕ ИСПЫТАНИЯ

55 лет назад узники еврейского гетто в местечке Лахва Лунинецкого района подняли восстание против фашистских карателей — одно из первых в Польше и Белоруссии, а по количеству спасшихся людей сопоставимое даже со знаменитым восстанием Варшавского гетто... О лахвенском восстании в Израйле написаны книги, сняты документальные фильмы, есть материалы в “Яд Вашем” (музее катастрофы и героизма), вашингтонском музее катастрофы еврейского народа, лос-анджелесском музее Стивена Спилберга. Во всем этом огромная заслуга Копеля КОЛПАНИЦКОГО (на снимке — с женой), участника восстания, партизана, солдата-фронтовика. С начала 90-х годов ежегодно приезжает он на Лунинетчину, привозит с собой делегации бывших жителей Лахвы с семьями, при помощи местных властей реконструировал памятник жертвам гетто. А себя спаркивает с российскими гражда-

женщины 1939 года из польши расквашивали со зверствах оккупантов. Но старая советско-польская граница по реке Случь оказалась закрытой, на восток пропустили только 20 евреев-комсомольцев. В середине июля 1941 года вермахт оккупировал Лунинецкий район. Лахвенских евреев заставляли ремонтировать дороги, грузить военное снаряжение. Вскоре в местечко пришли части СС. Стало известно о массовых казнях евреев в Лунинец, Давид-Городке — слыше сотни женщин и детей со Столиницы сумели добраться до Лахвы, увеличив еврейское население местечка до двух тысяч человек (белорусов жило здесь около трех тысяч). Эсэсовцы заставляли чистить своих лошадей, избивали евреев, издевались над ними — любимым развлечением было опустить голову человека в бочку с водой и наблюдать за его мучениями. Заметно было, как тяжело переживали это местные белорусы — два народа за века совместной жизни, можно сказать, сроднились душами (евреи-ремесленники и белорусы-земледельцы взаимовыгодно сотрудничали).

С помощью равинов Лихштейна и Ошеровича оккупанты создали орган местного еврейского самоуправления — юденрат, а также еврейскую милицию (естественно, безоружную), в которую пошел и брат Копеля Мовша. Уплатили 100 тысяч рублей контрибуции, отдали ценности, теплую одежду для солдат вермахта. Ежедневно группы евреев отправлялись на принудительные работы. Знакомые белорусы по ночам приносили продукты.

Потеряв в районе Турова в боях с группами партизан и окруженцев несколько человек убитыми, эсэсовцы, вернувшись в Лахву, решили выместить зло на евреях. Недалеко от рыбхоза были выкопаны ямы. В три часа утра всех мужчин старше 14 лет, избивая нагайками и прикладами, повели на казнь. В рыбхозе, окровавленных, посадили на землю. В последний момент председатель юденрата Берл Лопатин убедил майора СС Шмидта сохранить евреям жизнь, иначе некому будет работать для немецких войск,

тей реконструировал память жертв гетто. А себя сравнивает с российским двуглавым орлом — один взгляд устремлен в прошлое, другой — в будущее...

а свои аргументы "подкрепил" золотыми часами с бриллиантами. Под ударами прошли обратную дорогу — а семьи уже не верили во встречу.

Осенью 1941 года эсэсовцев сменила инженерная часть. Копель работал на лесопилке, затем вместе с другими рабочими ежедневно ходил по шпалам железной дороги за восемь километров восстанавливать разрушенный мост через Цну — при этом узники тянули тросами вагонетку, в которой ехали гитлеровцы-охранники с кнутами. Падавших избивали нагайками. А в апреле 1942 года, после тяжелой, холодной зимы, пинский гебитскомиссар приказал создать в местечке гетто. Перед еврейской Пасхой сотня фашистов и полицейских, дав 10 минут на сборы, согнала узников в 43 дома, окруженные колючей проволокой. Колпаницкий попал в дом своей бабушки. Гетто состояло из северной и южной частей, между которыми проходила улица. Узники быстро съели все, что росло на огородах — от голода многие люди начали распухать. Работающим давали всего по 300 граммов хлеба в день. Старший брат с другими милиционерами по ночам плавали через речку на случайно сохранившейся лодке (дед ловил рыбу для немцев), обменивали вещи на продукты, собирали оружие, пытались установить связь с партизанами. Неутешительные известия пришли из Лунина и Микашевич, где были полностью уничтожены гетто. Под видом "траншей против партизан" гитлеровцы начали расчистку старых, выкопанных год назад, ям и в Лахве.

2 сентября 1942 года Копель работал в Микашевичах. Домой рабочих из-за диверсии партизан на железной дороге привезли поздно. На ночных улицах были видны группы вооруженных гитлеровцев и полицейских. Руководители подпольной организации в гетто решили ждать до утра — если не поведут на работу, значит, настал последний день. Утром фашистский комендант вызвал

председателя юденрата, Лопатина и предложил сохранить жизнь ему и еще тридцати ремесленникам. Лопатин отказался... В гетто готовили зажигательные материалы, ножи, топоры. Из соседнего Кожан-Городка слышалась стрельба (там тоже было уничтожено гетто), затем оттуда приехали грузовики с карателями — немцами, украинскими и литовскими полицейскими. После завтрака в центре села каратели начали выгонять узников из домов. Вместе с Копелем на улице оказались бабушка, мать, два брата и сестра. Мать успела протянуть ему часы отца: "Береги их. Расскажешь, что с нами произошло". Копель удивился — ведь он младший сын. Но думать было некогда.

Улицей узников погнали к реке. По тем, кто пытался прорваться в сторону, через заборы, из-за реки открыли огонь три тяжелых пулемета. "Показательной" казни (по 10 человек), однако, не получилось. Несколько членов юденрата во главе с Лопатиным зажгли ближайшие дома, подав сигнал к восстанию. Они тут же были убиты. Фашисты застрелили и глухонемого, который пытался поднять убитых, не понимая, что происходит. Один из руководителей подполья, Ицхак Рохчин, топором разбил немцу голову, а сам бросился в реку — пуля догнала его уже в воде. Люди заматались, как рой растревоженных пчел, вокруг горели деревянные дома, из-за реки били пулеметы... Копель успел еще заметить, как брат Мовша бьет немца топором и кричит юноше: "Беги!" Улица была покрыта убитыми, некоторые люди бросались в горящие дома, предпочитая смерть от огня, а не пулю. Колпаницкий побежал огородами. Один из немцев выстрелил почти в упор, но промахнулся. Под бывшим зданием школы (теперь — аптека) спрятались около двадцати евреев, потом соседка-белоруска Матрена помогла им перейти через улицу, взяв за это золотые

часы и сапожки. Отстали учительница Бела Бухчин со своей матерью, другие узники — с Копелем остались только старик-мельник Муравчик и пятилетний мальчик. Втроем спрятались у берега речки, юноша обмыл раны своих спутников. Недалеко показались два жандарма — узники побежали дальше. Копель забежал в чей-то свинарник. Уже спрятавшись, услышал близкие выстрелы — каратели застрелили старика и мальчика. Заглянули в сарай, закурили, посмеялись над толстой свиньей... Каждая секунда казалась вечностью. Не заметив юношу, немцы ушли. Но кто-то из соседней закричал хозяйке дома, что в сарае прячется еврей (в этой части местечка жили в основном поляки, среди которых было немало антисемитов). Женщина заглянула в сарай (за каждого выданного еврея гитлеровцы давали три килограмма соли), но не заметила Копеля. Когда она зашла во второй раз, Колпаницкий не выдержал. Выскок из сарая, пробежал мимо шарахнувшейся от него женщины, схватил топор и побежал вдоль реки Смердь в сторону Припяты. Сорвал с себя желтый опознавательный лоскут. За спиной горела Лахва... Остановился, заметив, что поет песню партизан времен гражданской войны, выученную еще в школе — решил, что сходит с ума. Позже наткнулся еще на нескольких уцелевших узников. Двинулись в партизанские леса, через железную дорогу к Ситницкому Двору и хутору Хобот. Но в отряде имени Кирова оставили только 20-25 мужчин, сильных и знакомых с военным делом — у партизан не хватало оружия... Позже выяснится, что из двух тысяч узников спаслось около 500-600 человек, но большая часть их погибла вскоре во время обвала в лесу. Спаслись в итоге около 120 человек, которые сразу ушли подальше от Лахвы и Припяты.

Через страшные Гричинские болота

часть прибыла на фронт, в район польского города Познань. Начались кровавые бои. Войну закончил на немецкой земле. 10 мая 1945 года пришел в штаб батальона с просьбой изменить в документах день рождения на 9 мая (с того времени каждый День Победы — это и его личный праздник). Дивизию перевели в Белосток, поляки встречали тепло. Закончил трехмесячную офицерскую школу в дивизии, получил звание младшего лейтенанта, затем — лейтенанта, командовал минометным взводом, был комсоргом роты. Награжден медалью "Партизану Отечественной войны". В 1946 демобилизовался, принял польское подданство (в Польшу приехал и отец).

После перенесенного в годы войны еврей стремился на историческую родину. Ускорили этот процесс и погромы в Кельце и других польских городах в 1946 году. Копель отправился в Палестину. В феврале 1947 года английский корабль захватил их пароход (Англия, владевшая Палестиной, ограничивала въезд туда евреев), пасажиров сослали на остров Кипр, в концлагерь. Тайно продолжали учиться военному делу. В феврале 1948 года Колпаницкий все же был допущен в Палестину. Воевал против англичан, после провозглашения государства Израиль — против арабов, командуя взводом закупленных в Финляндии 127-миллиметровых минометов. В 1953 году получил звание майора артиллерии. Участвовал в походе в Порт-Саиду 1956 года, "шестидневной войне" 1967 года на Синайском полуострове.

В 1950 году до Израиля через всю Европу добрался отец, Копель в 1953 году женился. Жену зовут Хава, сыновей — Израэль, Ами и Арик (в переводе их имена означают "Израиль", "мой народ", "лев"). Занимается импортом леса из России, на общественных началах выступает перед школьниками, солдатами. И привозит каждый год бывших земляков, в том числе уже второе поколение, на "малую родину"...

В.ЖИЛКО.
Фото Г.ЖУКА.